

Об одной гендерной асимметрии:

номинации лиц женского пола в аспекте культуры речи

Наличие широкого спектра разнообразных школ и направлений в современной отечественной лингвистике привело к тому, что в лоне науки время от времени зарождаются новые теории и концепции, сторонники которых, увлекаясь оригинальными аспектами исследования, не всегда адекватно анализируют явления именно русского языка.

К числу таких новых течений следует отнести и появившуюся на Западе в конце 1960-х., а в России – в конце 90-х гг. феминистскую критику языка, главная цель которой – обнаружение и преодоление отраженного в языке мужского доминирования над женщиной в общественной и культурной жизни. Среди прочих частной задачей феминистской лингвистики становится выявление разного рода гендерных диспропорций в системе языка, направленных против женщин или выставляющих женщин в неблагоприятном свете. Отечественные ученые, работающие в русле этого направления, подчас весьма механически переносят методику анализа тех или иных явлений, специфичных для европейских языков (в первую очередь, английского и немецкого), на материал русского языка, пытаясь вскрыть те или иные гендерные стереотипы и асимметрии, присущие русскому лингвокультурному пространству.

Под гендерными асимметриями в языке обычно понимают лингвистическую фиксацию неравноправного сосуществования мужчин и женщин и принижения социокультурного статуса последних (ср., например: «Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола. Так, если имеются в виду учитель и учительница, достаточно сказать «*учителя*». Таким образом, считает феминистская лингвистика, в массе случаев женщины вообще игнорируются языком»¹).

¹ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999. – С. 40-41.

К наиболее часто упоминаемым гендерным асимметриям русского языка обычно относят две особенности русского словообразования. Во-первых, деривационную модель существительных – номинаций лиц женского пола по профессии, специальности, должности, званию и т.д., производных от существительных мужского рода, типа *аспирантка* (от *аспирант*), *учительница* (от *учитель*), *графиня* (от *граф*). С точки зрения феминистской лингвистики, эта модель словообразования выражает уничижительное положение женщины в русской языковой картине мира именно потому, что подчеркивает вторичный, производный, якобы второстепенный характер номинаций женского рода.

В американской традиции феминистской критики языка с такого рода особенностями предлагают бороться за счет устранения «мужского» компонента словообразования (например, вместо *chairman* ‘секретарь’, в котором, по мнению феминисток, компонент *man* содержит упоминание о мужском поле человека, занимающего данную должность, использовать слово *chairperson* или даже просто *chair*). Однако подобного рода инновации в принципе невозможны на материале словообразования русских существительных уже потому, что, в отличие от факультативного характера грамматической категории рода в английском, в русском языке родовая отнесенность существительных обязательна и в гораздо большей степени грамматикализована, нежели семантизирована. Пожалуй, единственным возможным применением подобного рода американских феминистских рекомендаций на материале русского языка можно признать использование форм множественного числа в обращении (ср. *учащиеся* вместо *ученики*; *трудящиеся* вместо *труженики* и *труженицы* и т.п.). Однако и эта рекомендация, как представляется, звучит для русского языка несколько искусственно.

Во-вторых, наряду с указанной словообразовательной гендерной асимметрией феминистики в качестве проявления дискриминации женщины в русском языке указывают на отсутствие многих «параллельных» номинаций лиц женского пола при наличии номинаций лиц мужского пола: ср., например, ненормативный характер лексем типа **премьер-министрша*, *референтка*, *доцентка* и т.п. при нормативных существительных мужского рода *премьер-*

министр, референт, доцент; или окказионально-шутливые **фотография*, **филология* при нормативном *фотограф, филолог* и т.п.).

Частный, но весьма показательный, случай этой словообразовательной асимметрии нашел отражение в интересном словаре И.Л. Городецкой и Е.А. Левашова «Русские названия жителей». В этом лексикографическом издании, источниками которого послужили художественная, публицистическая, краеведческая, историческая литература и центральная и местная пресса, к 5800 географическим названиям приводятся более 14000 названий жителей (по трем патронимическим формам: множественного числа, мужского и женского рода). Нетрудно сосчитать, что если у каждого топонима зарегистрированы и приведены соответствующие формы множественного числа и мужского рода, то на долю производных существительных женского рода приходится всего лишь 17%! Следовательно, в русском языке почти в шесть раз меньше зарегистрированных названий жительниц того или иного населенного пункта, чем названий его жителей. Авторы словаря отмечают, что «к женским формам на *-к(а)*, соотносимым с формами на *-ец*, неприменим принцип обязательности. Они вынуждены преодолевать некий барьер ненормативного восприятия. Живое словоупотребление почти не дает женских форм на *-к(а)* от названий райцентров; более продуктивны в этом смысле названия крупных городов и областных центров; и только название столичных центров обеспечиваются всеми тремя патронимическими формами (и то не стопроцентно)»². Более того, до XVIII в., по данным этого же словаря, в русских письменных памятниках существовало всего 2 (две!) номинации жительниц – «псковка» и «московка». Попутно заметим, что таким образом, через названную гендерную асимметрию, в русском языке фиксируется и реализуется древнейший гендерный стереотип, характерный для многих развитых языков и присущий в древности всем цивилизованным обществам: только мужчина считался настоящим членом общества, женщины и дети – нет (ср. клишированную старославянскую конструкцию из евангелия: «едаштих же бе четыре тышти, разве жен и детей»).

² Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей: Словарь-справочник. – М., 2003. – С. 9.

В связи с такого рода лакунами в качестве одного из путей языкового планирования рядом деятелей феминистского движения предлагается более широкое введение тех самых пресловутых «параллельных» форм номинаций женщины, которые принято называть феминистскими неологизмами и которые активно используются в современной английской и – в большей степени – немецкой речи. И именно здесь, как нам кажется, кроется одно из лингвистических заблуждений, которое оказывает серьезное влияние на ряд вопросов современной культуры речи и лексикографии.

За последние 20 лет огромное количество слов, находившихся ранее на периферии собственно литературного языка или относившихся к просторечию, активно входит в словарь современника, подчас утрачивая те коннотации, которые были свойственны им на протяжении не только десятилетий, но и веков. Например, такова судьба пейоративно окрашенного слова *стерва*, искони обозначавшего в русском языке ‘подлую, мерзкую женщину’ и воспринимавшегося как чрезвычайно бранное слово. Однако в последнее десятилетие под воздействием языка средств массовой информации, деятельности ряда психологов-практиков и авторов книг для легкого чтения оно стало воплощением определенного стиля поведения современной независимой деловой женщины, по крайней мере для некоторых представительниц прекрасного пола; отсюда и такие названия книг, как «Школа стервы», «Как стать стервой», «Стерва в постели», «Стерва – хозяйка большого города» и даже «Книга стервозной мудрости». Представление о возможных формах женского поведения под давлением западной (прежде всего, американской) культуры изменилось, изменилось и значение слова (по-видимому, в результате семантического калькирования одного из значений английского слова *bitch*).

В границах этого процесса смещения лексической периферии к центру оказались и многие существительные со значением лица женского пола, мотивированные существительными мужского рода. При этом необходимо выделить две наметившиеся тенденции в научной кодификации данных существительных: во-первых, смягчение требований к ограничению прежде стилистически маркированных слов и, во-вторых, расширение самого списка такого рода номинаций.

Собственно словообразованию данной группы номинаций посвящены отдельные параграфы академической «Русской грамматики» (§§ 381-393), в которой описаны 10 разной степени продуктивности суффиксов производных от существительных мужского рода, обозначающих лиц женского пола:

- *-к(а)* (например, *конькобежка, стипендиатка*);
- *-иц(а)* (например, *фельдшерица, буфетчица*);
- *-ниц(а)* (например, *изобретательница, учительница*);
- *-их(а)* (например, *повариха, пловчиха, врачиха*);
- *-ш(а)* (например, *гастролёрша, библиотекариша, музыкантиша*);
- *-н(а)* (только *царевна* и женские отчества);
- *-ин(я)* (например, *герцогиня, графиня*);
- *-есс(а)* (например, *поэтесса, принцесса*);
- *-ис(а)* (например, *актриса, аббатиса*);
- *-ин(а)* (*синьорина, курфюрстина, гофмейстерина*).

В «Русской грамматике» особо оговаривается, что суффиксы *-их(а)* и *-ш(а)* характерны только для разговорного употребления, а суффиксы *-н(а)* и *-ис(а)*, а также *-ин(я)* и *-ин(а)*, почти всегда имеющие только одно значение – 'жена лица, имеющего такое-то звание', не продуктивны в современном русском литературном языке³. Таким образом, единственно продуктивными и соответствующими книжной литературной норме суффиксами существительных со значением 'феминности' следует признать суффиксы *-к(а)*, *-иц(а)* и – в меньшей степени – *-есс(а)*.

По наблюдениям Л.К. Граудиной, в современном русском языке имеется достаточно представительная группа производных суффиксов, присоединяющихся к *-к(а)*: *-овк(а)*, *-ачк(а)*, *-ячк(а)*, *-енк(а)*, *-анк(а)*, *-янк(а)* и наиболее употребительный *-истк(а)*. Второе место по частоте и широте употребления занимают образования с суф. *-иц(а)*: *невиц(а)*, *владельциц(а)*, *истициц(а)*, *всадниц(а)* и т.д. Названия с суф. *-к(а)*, *-иц(а)* наиболее продуктивны и привычны в современном русском языке: около 90% всех женских соответствий образованы с помощью

³ Русская грамматика. М., 1980. – Т.1. – С. 202.

именно этих суффиксов; чаще всего эти образования стилистически нейтральны и затруднений не вызывают⁴.

Однако реальное употребление и – что гораздо интереснее! – лексикографическая фиксация существительных, производных от существительных мужского рода и обозначающих лиц женского пола, в последнее время претерпели значительные изменения как в стилистическом, так и в словообразовательном аспекте.

Прежде всего, обращает на себя внимание та лексикографическая вольность, которую, на наш взгляд, допускают современные составители словарей и справочных пособий при описании данного, весьма широкого, пласта лексики.

Так, авторы «Большого толкового словаря русского языка» (под ред. С.А. Кузнецова), как известно, отказавшиеся от помет *Прост.* довольно скоропалительно и не всегда правомерно маркируют стилистически весьма сниженные существительные пометой *Разг.*, тем самым не только изменяя регистр употребления слов, но и едва ли не «узаконивая» их. В этот список попали такие пресловутые номинации, как *врачиха, директорша, инженерша, лекторша* и мн. др., то есть как раз те слова, образованные от существительных мужского рода с помощью стилистически сниженных в этом значении суффиксов - *их(а)* и - *ш(а)*, прагматически неоправданное употребление которых ярко маркирует речь необразованного человека.

Стоит отметить, что использование суффикса - *их(а)* в современном русском литературном языке – это продуктивный способ образования существительных только одной группы – названий самок животных (типа *ежиха, зайчиха, крокодилиха, лосиха, слониха* и др.). И даже при наличии таких устаревших номинаций, как *купчиха, пономариха, старостиha* и некоторых других, разговорные номинации типа *дворничиха, повариха, ткачиха*, как представляется, волей-неволей в сознании современного русского человека соотносятся с номинациями самок животных, а это уже нарушает нормы не только русского словообразования, но и общечеловеческой этики. Следовательно, трудно признать

⁴ Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. 3-е изд., стер. – М., 2004. – С. 137.

номинации типа *врачиха* соответствующими нормам литературного (пусть и разговорного) русского языка.

В ряде случаев составители «Большого толкового словаря русского языка» снимают пометы, связанные с нормативно-стилистическими ограничениями в употреблении, заменяя их на пометы, отражающие лишь наличие эмоционально-экспрессивного компонента значения. Так, просторечные, по данным «Словаря русского языка» (под ред. А.П. Евгеньевой) и в соответствии с языковым чутьем многих современников, номинации типа *актёрка* и *училка* сопровождаются только пометой *Пренебр.* Вместе с тем сложно вообразить ситуацию использования данных номинаций в речи образованных и интеллигентных людей, исключая, пожалуй, лишь случаи сильнейшего эмоционального аффекта.

Представляется, что подобная современная лексикографическая практика не совсем отражает реальное функционирование подобных номинаций лиц женского пола в современном русском литературном языке и, потакая ухудшающемуся языковому вкусу некоторых современников, слишком снисходительно относится к стилистической маркированности данных слов.

Отдельного внимания заслуживает объем списка номинаций лиц женского пола по социальному статусу, профессии, должности, который, на наш взгляд, в последнее время чрезмерно стремительно и далеко не всегда оправданно расширяется. Пожалуй, самый многочисленный (хотя и далеко не полный) лексикографический свод номинаций лиц женского пола, существующих и существовавших когда-либо в русском языке, представлен в работе Н.П. Колесникова «Толковый словарь названий женщин».

Несмотря на то, что сам проф. Н.П. Колесников подчеркивает, что в современной устной речи и на страницах современных периодических изданий «тенденция конструировать *феминизмы* (слова, обозначающие женщин), используя словообразовательные элементы русского языка, существует и даже усиливается»⁵, к великому сожалению, в словаре никак не обозначены ни принципы отбора лексики, ни источники формирования словника, что неминуемо приводит вдумчивого читателя к мысли о возможном окказиональном характере многих

⁵ Колесников Н.П. Толковый словарь названий женщин. – М., 2002. – С. 5.

зафиксированных номинаций. Интересно, что ни современные толковые словари русского языка, ни данные русского сегмента интернета не идентифицируют такие зарегистрированные в указанном словаре лексемы, как, например, *авиаугощица*, *аллилуйщица*, *калейщица* и мн. др. По-видимому, в особый раздел словника можно выделить лексемы, которые также не встречаются ни на просторах интернета, ни в устной речи, ни в одном лексикографическом издании, кроме «Толкового словаря живого великорусского словаря» В.И. Даля: *адъюнкшиа*, *акальщица*, *алтынищица*, *алкательница*, *букашечница* и т.п. Подобного рода слова, безусловно, не соответствуют реалиям современной социокультурной действительности и вряд ли должны фиксироваться какими-либо иными словарями, кроме исторических.

Однако «Толковый словарь названий женщин» преследует не столько кодифицирующие и нормативные, сколько просветительские и лингвокультурологические цели, поэтому анализировать его в аспекте культуры речи или заявленной гендерной словообразовательной асимметрии столь же бесполезно, сколь и опрометчиво: само количество более чем 7000 номинаций лиц женского пола рождает мысль скорее о представленном в языке гендерном равноправии женщин, нежели о какой-либо языковой дискриминации. Да и основной цель словаря, по-видимому, лишь представить как можно больше слов, а не кодифицировать или стилистически охарактеризовать богатый и интересный пласт русской лексики.

В связи с этим стоят отдельного замечания те группы существительных мужского рода, которые, по данным нормативных справочников, словарей и грамматик, в принципе не образуют и не должны образовывать в русском литературном языке параллельных номинаций женского рода.

По семантическому признаку можно выделить следующие группы такого рода существительных:

- официальные, административные и должностные названия типа *президент*, *премьер-министр*, *канцлер*, *министр*, *дипломат*, *посол*, *консул*, *атташе*, *судья*, *директор*, *эксперт*, *референт*, *агент* и т.д.;

- обозначения ученых степеней и званий типа *доктор наук*, *кандидат наук*, *профессор*, *доцент*, *бакалавр*, *магистр*, *адъюнкт*;

- социально-оценочные характеристики и наименования типа *член* (кабинета министров, профсоюза, правительства), *рыцарь, товарищ, герой, вождь, борец*;

- названия традиционно мужских профессий типа *сталевар, дирижер, хлебороб, космонавт* и мн.др.;

- названия ученых-специалистов типа *психолингвист, географ, филолог, рентгенолог, кардиолог* и мн.др.;

- названия лиц по военным специальностям и служебным званиям типа *боец, воин, офицер, пилот, сержант, майор, минер, капитан* и мн. др.

По отношению к последней группе необходимо подчеркнуть, что к ряду номинаций лиц по служебным званиям в современном русском литературном языке как будто бы существуют женские словообразовательные параллели, созданные с помощью суффикса *-ш(a)*: *генеральша, майорша, лейтенантша, капитанша* и т.д. Однако в XIX в. эти слова означали не женщину, служившую в таком звании (что, заметим, было и невозможно), а жену служащего в этом звании. Вместе с тем в наше время суффиксы *-ш(a)* и *-их(a)* обычно используются в разговорной речи для обозначения женщин по их собственному роду занятий, что неминуемо создает ненужные разночтения и непонимание: *адмиральша* – это женщина-адмирал или жена адмирала? По-видимому, употребление такого рода производных будет расширяться, а старинное значение суффикса *-ш(a)* будет предано забвению, однако подчеркнем еще раз: такого рода наименования чаще всего используются в разговорно-бытовой речи или в художественной литературе в целях стилизации: *лейтенантша уже ушла; капитанша куда-то пропала; редакторша была необычайно добра.*

По словообразовательному признаку наименования лиц, выраженных мужским родом и не имеющих женских соответствий, объединяются в следующие ряды:

- существительные на *-ор, -тор* (*лектор, редактор, ритор*), *-ик* (*академик, историк, лирик, классик, теоретик*), *-ер, -ёр* (*репортёр, спринтер, стайер, стартёр*);

- сложные названия, второй частью которой являются лексикализованные морфемы или суффиксоиды: *-писец* (*живописец, иконописец*), *-носец*

(орденоносца), -вед (краевед, литературовед), -лог (филолог, социолог), -граф (библиограф, географ, фотограф), -фил (библиофил, русофил, англофил).

«Вследствие того что эти наименования лишены нейтральной словообразовательной параллели женского рода, они обозначают лицо в отвлечении от пола и применяются не только по отношению к мужчине, но и по отношению к женщине»⁶. По мнению исследователей, пласт названий лиц такого типа обнаруживает тенденцию к росту, развитию и укреплению в современном литературном языке. Однако не все, что можно создать по тем или иным словообразовательным моделям, допустимо признавать в качестве нормативных номинаций или фиксировать в словарях.

В исследуемом аспекте интересно обратиться к рекомендациям процитированного выше периодически переиздающегося многотысячными тиражами словаря «Грамматическая правильность русской речи», одна из статей которого специально посвящена «женским соответствиям к мужским в наименованиях лиц» и включает список из 652 подобных номинаций, состав и отбор которых вызывает определенного рода вопросы.

Значительное количество приведенных в списке слов, по данным Национального корпуса русского языка⁷, объем которого, как известно, составляет почти 150 млн слов, не встречается в современной письменной речи. Так, из первых 40 слов названного списка словаря (*авиаторша – виновница*), в Корпусе не зафиксированы 8: *авиаторша, авиатриса, адвокатка, академистка, артиллеристка, бандажистка, башмачница, вертолетчица*, что составляет 20% материала. Даже если представить, что в устной речи (Корпус описывает прежде всего письменную речь) эти номинации когда-либо кем-то использовались, степень употребительности пятой части списка столь мизерна, что невольно возникает вопрос: стоит ли фиксировать в нормативных словарях и справочниках такого рода слова? Одновременно необходимо отметить, что исходные существительные мужского рода в Национальном корпусе представлены в полном объеме, что

⁶ Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. 3-е изд., стер. – М., 2004. – С. 134.

⁷ <http://www.ruscorpora.ru/>

подтверждает актуальность самих номинаций как названий профессий и т.д. вне гендерной принадлежности. Иными словами, подобного рода названия существуют в языке и необходимы ему, вот только почти никакого отношения к гендерной стратификации общества не имеют: адвокат может быть и мужчиной и женщиной, однако на современном этапе развития русский язык, по-видимому, не нуждается в уточнении половой принадлежности носителя данной профессии.

Представляется, что нет никакой необходимости включать большую часть «женских соответствий к мужским в наименованиях лиц» в какие-либо словарные списки (быть может, кроме орфографических и терминологических) потому, что, во-первых, это создает иллюзию их кодификации, а значит, дозволенности, а во-вторых, более справедливо было бы отнести их к разряду так называемых «потенциальных слов», которые «уже созданы, но еще не закреплены традицией словоупотребления, или могут быть созданы по образцу существующих в языке слов»⁸.

Интересно заметить, что, вводя данный термин в научный обиход, сам Г.О. Винокур в качестве иллюстрации приводит едва ли не гендерно маркированную номинацию: «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода “потенциальные слова”, т.е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность. *Слониха* (при *слон*) – это слово реальное и историческое. Но рядом с ним, как его тень, возникает потенциальное слово *китиха*, как женский род к *кит*, и именно в употреблении такого потенциального слова и заключается акт новаторства в области формы слова»⁹.

Таким образом, бессмысленно отрицать само существование весьма многочисленных номинаций женского рода, обозначающих лиц женского пола по социальному статусу, профессии, должности и т.д., однако вряд ли следует вводить все подобные слова в словники лексикографических изданий, рассчитанных на

⁸ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А, Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. – М., 2003. – С. 348.

⁹ Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка // Г.О.Винокур. О языке художественной литературы. – М., 1991. – С. 327.

широкий круг читателей, а уж если и регистрировать такого рода лексемы, то лишь в специальных терминологических словарях, оставляя их в рамках категории потенциальных слов, не более того. По-видимому, большая часть данного пласта русской лексики – тот самый пример динамично развивающегося фрагмента лексической системы русского языка, который, безусловно, необходимо описывать, но слишком рано кодифицировать.

Одной из причин своего рода бума на слова типа *дикторша* или *магистрантка* стала формирующаяся на наших глазах (уже сформировавшаяся?) отечественная феминистская критика языка, относящая русский язык к разряду сексистских (ущемляющих права женщин и унижающих их) или по крайней мере андроцентричных (отражающих сугубо мужскую точку зрения) языков. Наряду с многочисленными гендерными стереотипами, существующими в языке (такими, как отрицательная коннотация ряда слов, связанных с миром женщин, например *теща*, *баба*, *бесприданница*, *уборщица* и др.), одним из доказательств наличия ярко выраженных гендерных асимметрий приводят образование практически всех номинаций женщины по социальному статусу, профессии или должности суффиксальным способом от слов мужского рода.

Как представляется, в данном случае в исследованиях гендерных лингвистов в меньшей, а в ряде статей научно-популярного характера в большей степени происходит контаминация понятий грамматический род и гендер (социокультурный пол). Дело в том, что в русском языке, в отличие от английского или немецкого, сами по себе номинации типа *кассир* не содержат «памяти» о мужской природе данной профессии (если эта природа здесь вообще присутствует), а упоминание слова в гендерно нейтральном контексте вовсе не свидетельствует о том, что речь идет о кассире мужского пола. Такого рода номинации лишь *грамматически* относятся к словам мужского рода и не имеют отношения к половой принадлежности называемого лица. Ибо, как справедливо замечает §1129 «Русской грамматики»: «Одушевленные существительные – наименования лиц или животных женского пола – часто бывают мотивированы словом, называющим лицо или животное без указания на его пол (выделено мною.

– В.А.) или (реже) называющим лицо или животное мужского пола: *учитель – учительница, студент – студентка, школьник – школьница, москвич – москвичка, внук – внучка, поп – попадья, лев – львица, слон – слониха, кот – кошка, гусь – гусыня*¹⁰.

Следует отметить, что и западная феминистская критика языка не пришла к единому мнению о способах борьбы с пресловутыми гендерными асимметриями в языке. Так, рекомендации на материале английского языка имеют тенденцию к устранению обозначения пола лица, а рекомендации на материале немецкого во многих случаях требуют обязательного обозначения женского пола.

Иным ракурсом развития феминистских лингвистических взглядов в современном русскоговорящем обществе, связанным с разрушением норм русского языка, можно было бы назвать трансформации той синтаксической координации, которую А.М. Пешковский в свое время определили как «самостоятельный женский род глагола». В современной русской устной речи становится едва ли не правилом использование таких конструкций, как «*врач пришла*», «*секретарь подписала*», «*завкафедрой посоветовала*» и т.д. Быть может, именно по этому, синтаксическому, пути устранения гендерных асимметрий и диспропорций, будет двигаться в дальнейшем русский язык.

Резюмируя, можно утверждать, что, с одной стороны, претензии ряда феминистки настроенных исследовательниц к несовершенству и гендерной нетолерантности русского языка следует признать не очень удачным следствием механического переноса методов феминистской критики ряда европейских языков на почву русского. С другой стороны, попытки самого устранения такого рода мнимых лакун следует признать механическим вторжением в развитие языка и попыткой ввести весьма многочисленный пласт лексики, относящийся в лучшем случае к окказиональной или разговорной речи, в худшем – к просторечию, в обиход русского литературного языка.

¹⁰ Русская грамматика. М., 1980. – Т.1. – С. 463.

Автор – В.А. Ефремов, канд. филол. наук, доцент, докторант каф. русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).